

Фёдор Григорьевич ушёл из жизни 26 лет назад, но до последнего своего часа он работал над новой повестью, в которой ему хотелось вспомнить своих родных: дедушку, бабушку, мать, отца, — их нелёгкий быт, простые праздники, подчинённые религиозным и языческим обрядам, прекрасный русский язык, отразившийся в песнях, частушках, поговорицах, да и в речи родных и близких ему людей, жителей родного села Красного Осёлка. Всё это давно ушло, ушло ещё при жизни поэта. Жизнь русских сёл и деревень исковеркала новый коммунистический порядок, которому они, как могли, сопротивлялись, от чего и жестоко пострадали... Читателям журнала я предлагаю “Плач моей бабушки Анисьи Максимовны” из неопубликованной повести “Горицвет”, к сожалению, неоконченной; думаю, он станет неожиданным, но дорогим подарком любителям истинного чистого русского слова.

Е. Сухова

ФЁДОР СУХОВ

ПЛАЧ МОЕЙ БАБУШКИ АНИСЬИ МАКСИМОВНЫ

Красовалась, возвышалась земля русская
Градами своими да своими всеями,
А во градах, а во всеях православными
Храмами святыми красовалась.
Наряжала, обряжала красных девушек,
По лесным полянам хороводила,
Реки быстрые половодила.
А над быстрыми-то реками
Торопили себя к граду Китежу,
Знали-ведали гуси-лебеди,
Что случилось-приключилось:
Злы татаровья шли на Китеж-град.
Китеж-град богат на сударушек,
На Марфушек своих да на Дарьюшек.
Пребывали в высок-тереме,
Зазывали добрых молодцев.
Похвалялись добры молодцы
Не красой-басой — силой-удалью.
Во глухом лесу промеж сосенок
Услыхали удальцы-бойцы
Весть печальную, весть тревожную —
Злы татаровья надвигаются...
Гуси-лебеди растревожили
Мирных пахарей, добрых бахарей,
С высоты небес не стихали,
Гоготали гуси-лебеди...

Середь бела дня — ночь кромешная
Сотворилася-приключилася,
Студена зима пала на лето,
Захолонуло лето красное.
По Заволжью кони топали —
Хан Батый скакал по Заволожью,
Он тропу торил, он мосты мостил,
Валил сосенки по урёминам —
Подступался, подбирался к граду Китежу.
А во Китеже гудел колокол,
Созывал бойцов-удальцов
Постоять за веру православную.

Наши пахари, наши бахари
С топорами навстречь двинулись,
Долго билися, рубилися,
Пересилили злы татаровья...
Плачьте, Марфушки, плачьте, Дарьюшки!
Полегли Святой Руси защитники,
Как побитое грозой-молоньей
Поле чисто, колосистое.
Захотел Батый в Китеж-град войти,
Поживиться златом-серебром,
Обесчестить красных девушек.
И тогда-то оградил Господь
Китеж-град от поругания.
Много дней-ночей злы татаровья
На Узоле да по Керженцу
Слома голову прорыскали.
Не нашли они града Китежа,
Не узрели красных девушек,
Ушёл под землю дивный Китеж-град...

Много лет прошло, много зим ушло,
Как на той тропе на Батыевой
Слуги дьявола объявились,
На Святую Русь ополчились,
На её чело на высокое
Прилепить хотят клеймо Антихриста,
Норовят они, слуги дьявола,
Обезглавить церкви Божьи,
Придушить поганой лапищей
Колокольный звон на Святой Руси.
Веру светлую, православную
Подрубить под корень вознамерились.
Плачьте, Марфушки, плачьте, Дарьюшки,
Обернутся ваши слёзыньки
Во глубокое светлынь-озеро,
А у озера встанет сосенка,
Восковой свечой она затеплится
Перед ликом Божьей Матери,
Перед ясной тихой зоренькой.
Ты взойди, взойди, заря рассветная,
Позови скорей к своей заутрене
Горемычный люд, люд поверженный,
До последней ниточки обобраный!

Не лесные колокольчики,
Не они звенят по паутри —
Звон идёт со дна глубокого,

Из нутра святого озера,
Что, как чаша поднебесная,
Синью ласковой лазурится,
Наподобье льна цветущего
Посередь полюшка росистого...
Люд поверженный, люд обобранный
Жаждет звона непорученных
Колоколен белокаменных,
Что укрылися, удалилися
От антихристовой потруси,
От её поганой пагуби.

Люди знают, люди ведают:
Будет день, когда откроется,
Праведным очам покажется
Град невидимый, град взыскуемый...
Он покажется, он откроется,
Коли слышен звон со дна озера,
Из нутра его глубокого!